

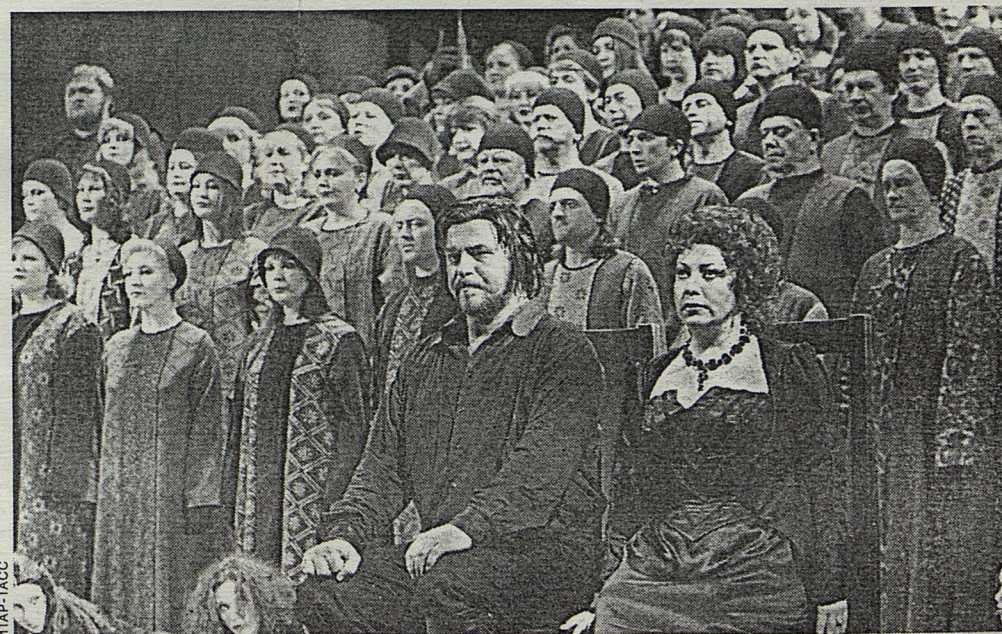
14.10.03

Большой театр показал арендованного во флорентийском Teatro del Maggio Musicale «Макбета» Верди – оперный дебют культового театрального режиссера Эймунтаса Някрошюса

Маск. новости — 2003 — 14 —
он — с 261

зритель

«ИМ НАША СМЕРТЬ — ЗАБАВА»

«Макбет» в Большом театре. На переднем плане: Владимир Редькин (Макбет) и Елена Зеленская (Леди Макбет)

«Тревога в связи с живучестью политического бандитизма и тотального насилия продлевает «Макбету» жизнь вплоть до сегодняшнего дня».

художник Мариус Някрошюс оформили скупой и символично. Сцена напоминает арену греческой трагедии, где вершатся судьбы и тяжкий рок тяготеет над смертными. Как в античной драме, главные события постоянно комментирует хор. Клубится пар, возвышаются два больших холма, черный цвет как знак возмездия обнимает все происходящее. На его фоне мелькают вкрапления белого — символа очищающего страдания и красного — символа злодейства. Победу над мировым злом несут дети: сын убитого Банко мучает тирана на пиру, и юный отрок возвещает его грядущую гибель. Природа и роковые силы величественны в своей негибкости и символическом постоянстве: по сравнению с черным кругом, нависающим над сценой как древний жертвенник, и черными гробницами Макбет и его жена кажутся маленькими и жалкими, недостойными трагического венца. На этой сцене безусловной истиной звучат слова Макбета: «Мы для богов как мухи для мальчишек, им наша смерть — забава».

Если мир вокруг главных злодеев живет по законам античной трагедии, то сами они выглядят едва ли не опереточно, и маэстро Верди весьма тому способствует. Ведьмы поют в ритме галопа и вальса, Леди Макбет исполняет светские куплеты, а романтический герой Макбет распевает романсы. Шекспировская трагедия в музыке Верди приобретает черты чувствительной романтической драмы, где нет места вселенской скорби, мировому злу и мистическому Провидению. В соответствии с музыкой главные персонажи, как маски итальянского карнавала, не живут в роли, а представляют двух светлых честолюбцев, недостойных быть злодеями. Прекрасно ведут свои партии Елена Зеленская и Владимир Редькин: они поют вполне достойно, срывая аплодисменты в положенных местах, — вероятно, сказывается вокальная педагогика Франко Пальяцци, который уже год поддерживает у артистов Большого наилучшую вокальную форму. У солистов есть все, что требуется в музыкальном театре Верди: плотный звук, здоровый темперамент и насыщенный тембр.

Но контраст между античным величием постановки и облегченным звучанием не прошел незамеченным. «Меня здесь немощно поразил характер этой музыки, — делилась впечатлениями от премьеры директор Пушкинского музея Ирина Антонова. — Тот максимально сгущенный трагический сюжет, каким мы его

знаем, — это одно, но когда с показан со сцены, то возникает какое-то противоречие, если угодно, между исключительно мажорными музыкальными элементами, иногда просто очень веселыми, и максимально серьезной постановкой в стиле macabre».

Противоречия примирил дирижер Марчелло Пинни, чей послужной список в качестве оперного маэстро весьма впечатляет: за три десятилетия оперной карьеры он руководил театрами в Бонне и Ницце, многократно дирижировал в «Ла Скала», управлял театром Сан-Карло в Неаполе, а теперь руководит Римской филармонической академией. Дирижер-итальянец впервые руководит постановкой в Большом с начала до конца, обеспечивая в высшей степени подлинное и современное звучание вердиевской партитуры. Оркестр показывает настоящее итальянское бельканто, избегая безвкусного «переигрывания», и звучание отличается редкой красотой и стройностью. В этом исполнении Верди становится даже несколько «моцартоподобен» — с такой точностью и ясностью слышится каждый штрих, с такой отточенностью выигрываются все детали партитуры. На этом фоне в спектакле подчеркивается гармония, столь присущая всему итальянскому: чистота линий, эффектные сопоставления цвета, красивые, как в балете, движения артистов в мизансценах. Античный стиль постановки выглядит уже не столько греческой трагедией, сколько представлением в римском вкусе, где превалирует пластика и скульптурность жестов, где значительное содержание подано в идеально красивой, безукоризненно сконструированной форме.

Первобытный ужас кровавой трагедии и элегантная красота музыки сочетаются браком Вулкана и Венеры, где из единства противоположностей возникает новая гармония. Надолго ли воцарится она на сцене Большого? Вдохновение певцов, безупречный вкус и культура звука — сохранятся ли они после ухода Марчелло Пинни, который сможет бывать в Москве лишь наездами? Или нового «Макбета», этот шедевр Някрошюса, ожидает судьба «Турандот», увядшей без итальянской прима Франчески Патане? Дай бог, чтобы спектакль без дирижера-постановщика сохранил присущий ему ныне блеск и высокое европейское качество. Может, и вправду платье от Versace можно повторить на фабрике «Заря»...

Дина КИРНАРСКАЯ

Опера

«Макбет» Верди в России старательно избегали. В Большом о нем не вспомнили ни разу, в Санкт-Петербурге 1852 года опера стыдливо скрывалась под именем «Сивард Саксонец» и шла по-итальянски: в стране Бориса Годунова и его более удачливой ученицы Екатерины Великой было не принято напоминать об убийцах, завладевших троном. В Европе сам автор благополучно затмил своего «Макбета» творениями более значительными, и после премьеры во Флоренции и нескольких европейских постановок опера была благополучно забыта. Интерес к ней вспыхнул во времена диктаторов, дружно пришедших к власти в тридцатые годы. В предвоенной Италии и Германии опера пережила свое новое рождение: после войны

«Макбет» помог порассуждать на тему о тиранах и тирании — в 1952-м состоялась легендарная постановка в «Ла Скала» с Марией Каллас в роли Леди Макбет, за которой последовали многие оперно-театральные версии.

Весьма средняя музыка раннего Верди не могла породить столь устойчивого интереса. А тревога в связи с живучестью политического бандитизма и тотального насилия продлевает «Макбету» жизнь вплоть до сегодняшнего дня.

Одна из последних постановок — оперный дебют культового театрального режиссера Эймунтаса Някрошюса во флорентийском Teatro del Maggio Musicale. Этот спектакль Большой театр арендовал до конца нынешнего сезона с правом продления, и Някрошюс приспособил свою итальянскую постановку к нуждам и возможностям Большого. «Система

аренды спектаклей в мире очень хорошо функционирует по той простой причине, что опера — искусство дорогое, — прокомментировал премьеру «Макбета» начальник отдела перспективного планирования Большого Вадим Журавлев. — Когда я увидел этот спектакль во Флоренции, я был поражен тем, насколько не оперный режиссер смог почувствовать музыку, насколько он был оригинален и не сделал калки со своего великолепного, гениального драматического спектакля. А раз спектакль выдающийся, то мы сочли своим долгом через год после премьеры показать его в Москве». Тем более что аренда, как утверждают специалисты, во много раз дешевле собственной оригинальной постановки.

Сценическое пространство режиссер Эймунтас Някрошюс и